

Алиса Клевер

УБИЙСТВЕННАЯ
КРАСОТА

КНИГА ШЕСТАЯ

МЕДУЗА

Алиса Клевер
Убийственная красота. Медуза
Серия «Полночь по
парижскому времени», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21201081

Аннотация

Даша понимает, что рано или поздно ей зададут вопрос о том, куда пропал ее бывший парень Сережа. Шутка ли – затеряться в многомиллионном незнакомом городе, даже не зная языка! К делу об исчезновении русского туриста подключается французский комиссар Трену. Однако Даша и представить не может, чем обернется ее визит в парижскую полицию! У ее нового избранника – Андре возникают сомнения в искренности ее чувств, что очень ранит Дашу, ведь доверие – одна из граней любви. непонимание становится испытанием для обоих.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Алиса Клевер

Полночь по Парижскому времени. Медуза

*– То, что ты меня не видишь, – не значит, что
меня нет.*

*Ты должна ощущать меня, даже когда я не в
поле зрения.*

Оливер Куин «Зеленая стрела»

*Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.*

Анна Ахматова

*Любовь не приживается там, где есть только
страх, точно так же, как растения редко
приживаются там, где всегда темно.*

Стивен Кинг «Противостояние»

* * *

Я бежала, как сумасшедшая, так быстро, как только могла,
насколько позволяли мои не слишком тренированные ноги,
и даже быстрее – пока вдруг не испугалась, что упаду, утра-

тив контроль над движением, запутавшись в последовательности шагов. Я неслась со всех ног, словно убегала от полиции – со стороны это выглядело именно так – но на самом деле убегала я от самой себя. Полиция ничего не знала обо мне – пока что не знала – но я уже чувствовала себя, как преступник, покрывающий убийцу. Но ведь никто же не умер!

«Откуда ты знаешь?» – услышала я шепот, и от этой мысли мне захотелось бежать еще быстрее, несмотря на то, что это могло обернуться травмой. Я наказывала себя этим бегом, задыхалась, кашляла, сходила с ума от музыки, раздающейся в моих наушниках. Ничего себе утренняя пробежка!

На мне были беговые кроссовки, спортивная одежда, а на предплечье траурной лентой чернел пульсометр, который я нацепила просто так, в качестве камуфляжа, не имея ни малейшего представления о том, как он работает. Пульсометром пользовался Андре, когда бегал в спортзале, хотя и без всяких измерений было ясно, что его сердце работает, как часы.

Может быть, у него вовсе нет сердца?

Я перебежала улицу, забыв посмотреть на дорогу, и водителю маленького «Пежо» пришлось ударить по тормозам, чтобы не сбить меня. Вслед понеслись крики и междометия –

на французском. Этот язык прекрасен, даже когда на нем ругаются. Я сосредоточилась на музыке – в моем плеере звучали “Thirty seconds to Mars”¹. Может быть, если бы меня сбила машина, проблема решилась бы сама собой. Я упала бы, вокруг меня столпились парижане, тихо переговариваясь между собой в поисках врача...

Господи, врача! Андре-то и есть врач.

Я представила, как лежу в коме, а потом, придя в себя и потеряв память, не могу вспомнить, как выглядит Андре, как пахнет Андре, и вообще понятия не имею о его существовании. Разве можно любить без памяти и одновременно бояться до дрожи? Ответ пришел сам собой – можно, если речь идет об Андре Робене.

«Я люблю Андре», – подумала я, холодея. Я отказывалась верить в то, что сказала моя мать. Быть может, Андре здесь совершенно ни при чем, и все это лишь выдумки, очередные фантазии влюбленной в себя актрисы, мечтающей устроить шумиху вокруг собственной персоны? Наверное, это новые способы борьбы с профессиональным выгоранием.

Я бежала все быстрее, почти не разбирая дороги, и у меня кружилась голова. Я люблю Андре и из-за этого стала почти ненавидеть родную мать. Она посеяла сомнения в моей душе, и ветер уже нагонял бурю. А ведь она даже не знает....

---

¹ Американская рок-группа «Тридцать секунд до Марса».

Для нее, для моих знакомых, для всех, кроме Сережи, где бы черти ни носили его, – я просто нашла в Париже *кого-то*.

Мама всегда была настолько равнодушна к моим делам, что за все время, которое я провела с Андре, она даже не удосужилась выяснить, из-за кого я так нелепо схожу с ума, теряя собственный облик. Она просто пожала плечами, бормоча под нос: «Молодость, молодость...», и продолжила заниматься своими делами, пока все не зашло слишком далеко. Я зашла слишком далеко, идя на поводу у своевольного, непредсказуемого любовника. Я люблю его, и что же мне теперь делать?

В глазах потемнело, и мое тело вдруг стало слишком тяжелым, будто к нему подвесили свинцовую гирю. Я словно оказалась на Юпитере, где сила притяжения почти в три раза больше, чем на Земле. Музыка стихла, и мир онемел. Я изумленно слушала тишину.

– Девушка, вы в порядке? – Голос доносился до меня так, словно говоривший кричал сквозь прижатую ко рту подушку.

– «Почему он говорит со мной по-французски?» – подумала я, толком не разбирая его слов и постепенно теряя управление собственным телом.

– Вы слышите меня? Эй, тут человеку плохо!

– Со мной все в порядке, – пробормотала я, обретая, нако-

нец, голос – это стоило мне огромных усилий.

– Что с вами? – спросил голос. Где-то на периферии сознания я слышала блеклый отзвук музыки из свисающих наушников. Что случилось со мной? Контузия? Почему я плохо слышу и перед глазами темно? Я бежала и, кажется, упала в обморок. Смешно, Даша, тебе же все равно не убежать.

– Я... у меня закружилась голова. Гипервентиляция, наверное... – сказала я, стараясь дышать равномерно. Свет понемногу возвращался, проявляясь, как на смоченных в растворе фотографиях в старых фотоателье. Я почувствовала боль в висках.

– Бегать надо по утрам, а не в обед, – сказал пожилой мужчина. Судя по деловому костюму и папке, из которой выглядывала пачка бумаг, он здесь не прогуливался. Типичный клерк, спешащий по делам. Он смотрел на меня строго, словно обвиняя в том, что я упала в обморок и нарушила тем самым его дневные планы.

Собравшиеся вокруг нас люди начали потихоньку расходиться. Ничего интересного. Добегалась, тоже мне спортсменка.

– Обед? – Я покидала квартиру Андре, думая, что еще утро. Видимо, у нас с этим господином разное представление о том, что такое утро. Впрочем, конечно. Уже почти полдень.

– Как вы себя чувствуете? – смягчился он, явно радуясь тому, что не придется больше тратить на меня время.

– Спасибо вам, со мной уже все хорошо, – пробормотала

я.

– Кто же бежит по такой жаре? – фыркнула не в меру полная дама в широкой соломенной шляпке. Такая не станет бегать даже ради того, чтобы согреться. Еще один специалист по бегу на мою голову.

– Извините, – зачем-то сказала я. Вставать не хотелось, всё тело было охвачено слабостью, и я боялась, что снова упаду, но давление постепенно выравнилось, и тело снова обрело возможность служить мне. Такое случалось только от сильного перенапряжения. И еще, когда рядом находился Андре.

– Пойдемте, я помогу вам присесть. – Было видно, что возиться со мной ему надоело, тем не менее он вежливо подал руку, и я, чуть пошатываясь, добрела до ближайшей скамейки.

Полная мадам скривилась и пошла по тротуару прочь, изредка оглядываясь, словно не желая пропустить возможное продолжение истории.

– Я в порядке, спасибо вам.

– Спорт хорош в меру, – пробормотал себе под нос мужчина и бросил нервный взгляд на часы. Ему пора бежать на работу – в этом городе любви, ненависти и красоты, от которой, как выяснилось, у меня кружится голова.

Я проводила своего спасителя долгим взглядом, затем, достав из заднего кармана спортивных брюк телефон, выдернула из него наушники. Музыка смолкла. Я помедлила еще

немного, но не бежать же снова? Все равно – нужно принять решение, и чем раньше – тем лучше, потому что вечером вернется Андре. Ему будет достаточно одного взгляда на меня, чтобы понять: со мной что-то не так. Что-то? Да со мной все не так!

Я глубоко вдохнула, как это делают пловцы перед тем, как нырнуть на глубину, и набрала мамин номер. Я надеялась, что она не ответит, и тогда у меня будет уважительная причина ничего не предпринимать еще какое-то время. Еще несколько часов или минут. Но мама отозвалась почти сразу.

– Куда ты делась? Почему бросила трубку? Не отвечала на звонки, отключилась! Ты хоть понимаешь, как я тут волновалась?

Впервые мне было нечего возразить.

– Мам, ты сказала... – Я не смогла закончить предложение. Мне пришлось сделать еще несколько вдохов прежде, чем удалось продолжить, – что кто-то хотел меня видеть? Зачем?

– Полиция, конечно. Господи, боже мой, Дарья, ты же его девушка. Что тут непонятного? – удивилась мама, и я прикусила губу почти до крови. Она что, откуда-то прознала о нас с Андре?

– Чья девушка?

– Как чья? Сережина, конечно. – И мама вздохнула от воз-

мушения так громко, что было слышно по телефону.

Я больше не девушка Сережи. И, наверное, никогда не была в полной мере, но точно перестала ею быть в ту минуту, когда ступила на французскую землю, как и собой тоже быть перестала. Но для полиции все это – пустые слова, голые эмоции. Формально я – девушка Сережи.

– Они хотят, чтобы я приехала к тебе?

– Зачем? Они ведь в Париже. У меня записан номер, я сейчас перешлю тебе в смс-сообщении.

Мама повозилась некоторое время. Она не слишком дружила с современной техникой, стараясь, по возможности, все вопросы такого рода перекладывать на меня или Шурочку.

– Оно уже пришло, мама, – сказала я тихо, услышав характерное «блям». А потом получила по заслугам. Я выслушала все, что мама думала обо мне и о моем поведении, и пообещала быть умницей, в очередной раз заверив ее, что не собираюсь задерживаться в Париже дольше, чем это будет необходимо. Я умолчала только о двух вещах – о том, что именно «необходимо» ее распущенной, отбившейся от рук дочери и с кем совершенно необходимо оставаться.

Затем я набрала номер полицейского участка.

– Мадам Синица! А мы уже и вас записали в пропавшие без вести! А вы, значит, рядом, у нас под носом? В гости не зайдете? – спросил мужчина, по голосу показавшийся толстяком-добряком, впрочем, безо всяких на то оснований. На него переключили после моих не слишком вразумительных объяснений, кто я и зачем звоню. Голос полицейского излучал радушие, как радиацию, но мне он почему-то сразу не понравился. Я несколько растерялась, не зная, как реагировать на его радостный тон, словно была преступником, готовящимся добровольно сдаться властям. Меня не отпускало чувство вины.

– В гости? – изумленно переспросила я, меньше всего ожидая приглашения, сделанного в такой форме.

– К нам в участок, разумеется, – посерьезнел голос. – У нас накопились вопросы.

– У меня тоже, – ответила я, тут же сообразив, как двусмысленно и странно, должно быть, это прозвучало. Но полицейский не выказал недовольства. Напротив, он хохотнул, пробормотав что-то о крутых современных нравах, и предложил мне заглянуть к ним «на огонек», как только я смогу, то есть желательно прямо сейчас.

– Вы где находитесь? – поинтересовался он.

Я уже поняла, что разговаривать в таком фривольном тоне

было, скорее, привычкой, нежели желанием оскорбить или сбить с толку. Но мне все равно постоянно хотелось одернуть его, что обычно было в стиле моей мамы, а не в моем.

– Я... ну... тут где-то, – залепетала я. – Бегаю.

– Бегаете? От кого, интересно? От нас? – спросил он и тут же расхохотался. – Шучу. Значит, забегите и к нам, раз такое дело. Пока я не ушел на обед.

– А когда вы уходите на обед? – на всякий случай уточнила я, ибо понятия не имела, как далеко нахожусь от его участка.

– Вы за кого меня принимаете, за итальянца? В Париже сиеста не практикуется. Приезжайте, я буду на месте, – неожиданно взорвался полицейский. – Спросите комиссара Трену.

– Хорошо, – покорно сказала я и завершила звонок.

Добраться до полицейского участка оказалось легче, чем я думала, но это меня скорее расстроило, чем порадовало. Всего двадцать минут пешком, если верить навигатору в моем телефоне. Вряд ли он сильно ошибся, ведь на тротуарах не бывает пробок. Сережа пропал на центральных улицах, поэтому искали его полицейские одного из центральных участков *police municipale*². Я нашла их сразу, как только повернула в нужный переулок.

---

² Муниципальная полиция.

Вывеска была маленькой, неброской, со следами ржавчины. Синие буквы на белом фоне. Узенькая улица, которая строилась несколько веков назад, была рассчитана на больших, запряженных в кареты лошадей. И машину, пусть даже маленькую, здесь можно было припарковать с трудом. Казалось, стоит только включить воображение и донесется ржание застоявшихся в упряжках лошадей и запах конского навоза. Впрочем, тут и сейчас пахло сомнительно, а брусчатка в просветах между домами покрылась подозрительными пятнами. Там, где много туристов, всегда скапливаются грязь и неприятные запахи. Около входа в участок практически вплотную стояли несколько машин с красно-синими полосами. Police.

«А вдруг меня арестуют?» – подумала я и тут же чуть не упала, споткнувшись о выступающие края брусчатки.

– Осторожнее, мадам, – раздался чей-то голос.

Я запоздало подумала, что не стоило являться сюда в одежде для бега, да еще с неработающим пульсометром на руке. Что подумает обо мне этот комиссар Трену? С другой стороны, какая разница, что он подумает? Я же здесь совершенно с другими целями, верно? Оказать помощь следствию.

– Простите, где я могу найти комиссара Трену? – обратилась я к сидящему у входа полицейскому, но тот даже не посмотрел в мою сторону, продолжая разговаривать одновременно по городскому и мобильному телефону. Его светлая

форменная рубашка настолько пропиталась потом, что в ней можно было засаливать воблу. Меня он просто не заметил – способности к выполнению одновременно нескольких задач, как у Цезаря, у него не было.

Пройдя мимо него внутрь, я огляделась. Старое здание явно не подходило для современных целей, всюду ощущалась нехватка свободного пространства – было довольно тесно. Но все равно кругом сидели, стояли, ходили, пользовались кофейным автоматом. Я пожалела, что не взяла с собой денег, так как мне очень захотелось пить.

– Вы к кому? – спросил скучающий в одной из очередей старичок в симпатичных, но довольно грязных клетчатых штанах. Он был похож на клошара. Старичок казался тут своим, никуда не спешил, скучал и с интересом разглядывал меня.

– К комиссару Трену.

– Ах, к этой цапле? Как только он не переломится наполам? – с чувством воскликнул старичок. – Думаете, он не ест? Как бы не так! Лопает за троих. Бочка бездонная. Наверное, глисты у него, не иначе.

– Глисты? – окончательно опешила я.

Не слушайте этого проходимца, вам на второй этаж. Двадцать восьмая комната, – сказал молодой полицейский, шедший мимо нас к выходу. – Не приставай к людям, Рене.

– Спасибо! – пискнула я, не без труда отрываясь от цепкого, как клещ, старичка-клошара. Он продолжал что-то нести

мне вслед, не желая прерывать разговор, но потом на него снова прикрикнули, и он наконец утих.

Я мигом взлетела по лестнице и быстро нашла двадцать восьмой кабинет.

Второй этаж был куда тише и спокойнее, сюда не долетала шумная суeta приемной. В кабинете царила тишина. Трое в штатском таращились в свои компьютеры, а один из них еще и жевал. Он не глядя опускал руку в огромный пакет с чипсами и с громким хрустом отправлял себе в рот очередной кругляшок. Он-то и был мой Трену, я поняла это сразу, благодаря «ориентировке» клошара, кстати, довольно точной. Тощий и длинный, а вовсе не толстячок-балагур, как мне подумалось сначала. Действительно, того и гляди, переломится пополам.

– Месье Трену? – спросила я.

– А вы, должно быть, мадам Синица? – уточнил он, не переставая жевать.

– Мадам Синица сейчас снимается в каком-то французском фильме. А я – мадемуазель, ее дочь. Вы можете называть меня Даша́. – Я сознательно поставила ударение на последний слог, зная по опыту, что все равно эти французы перековеркают мое имя. Он заговорщически глянул на меня.

– А вы зовите меня комиссар, ибо так нам диктует ее величество Инструкция. Как добрались? Вижу, бежали ко мне сломя голову́?

– Моя голова в порядке, – заверила я его, хоть это и было не вполне правдой. Голова болела зверски. А ведь мне предстояло отвечать на вопросы, ответов на которые у меня не было. – Мама сказала, вы нашли вещи Сережи? А где же он сам?

– Этот вопрос меня и мучает, многоуважаемая Дáша. – Комиссар сделал ударение на первый слог, и я вздрогнула. Если он знает, как правильно произносится мое имя, то, вероятно, ему известно про меня и многое другое.

– Прямо-таки мучает? – усмехнулась я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

– Ваша мама сказала, что Сережа вас очень любил, – сообщил комиссар.

– Она действительно так сказала? – удивилась я.

– Почему вам кажется это странным?

– Мама Сережу едва знала, почти не замечала его существования, и уж точно не одобряла наших отношений. Странно, что она так сказала. Возможно, это из какой-то роли, – бросила я, даже не пытаюсь скрыть раздражения.

– Кажется, вы не в самых лучших отношениях с матерью?

– С чего вы взяли? – Я знала, что мои слова прозвучат несколько агрессивно, но не смогла сдержаться.

– Ни с чего. Так, предположение – ложное, как я вижу.

– У нас с ней хорошие отношения, но вы не должны забывать, моя мама – актриса, и иногда то, что она произносит, может оказаться отрывком из сценария. Порой мне кажется,

что мама давно потерялась среди кучи созданных ею персонажей. Она и на меня смотрит по-разному – в зависимости от того, в каком проекте на данный момент участвует.

– Тогда, вероятно, сейчас она снимается в триллере, – многозначительно сказал комиссар. – Только вот некоторые вещи, сказанные ею, все же подтверждаются.

– Видеозапись? – догадалась я, бледнея. Я так надеялась, что этой записи не существует, и пришла сюда, в полицейский участок, чтобы убедиться в том, что ее нет.

Комиссар не ответил на мой вопрос, только посмотрел на меня пронизывающим насквозь взглядом.

– Знаете, что показалось мне забавным? – внимательно глядя на меня, спросил Трену. – Она не сказала, что вы тоже его любили. Какое уж там «очень».

– Мы прожили вместе два года. Разве это ничего не значит?

– Тогда скажите сами, вы любили месье Сережа? – Он произнес «месье Сережа», старательно выговаривая имя.

– Я молчала долго, дольше, чем это было уместно. В конце концов, это был простой вопрос, ответить на который не составляло труда. Но думала я о другом – о том, кого действительно любила. Плохи мои дела.

– Нет, не любила, – покачала я головой, стараясь быть искренней. – Думала, что любила, но оказалось – это не так.

– Париж порой открывает людям глаза на такие вещи, не правда ли?

– Я не любила его, но он все равно был мне очень близким человеком.

– Почему вы говорите о нем в прошедшем времени? – спросил вдруг комиссар, и я вздрогнула.

– Я не знаю. Вы сами спросили меня, любила ли я его, разве нет?

– И вас это не удивило?

– Нет.

– Вас не так легко выбить из колеи, – улыбнулся комиссар.

– А вы пытаетесь это сделать? Зачем?

– Давайте говорить начистоту. Мне ваш молодой человек – как кость поперек горла. – Комиссар Трену неожиданно сменил манеру, словно решил попробовать другую роль. Я даже растерялась от того, насколько разительной была перемена.

– Что вы имеете в виду?

– Видите ли, ваш месье Сережа пропал без вести, так? Он не умер, не убит, его тело не нашли где-нибудь в Сене.

– Господи, что вы такое говорите?! – прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

– Это я к примеру, успокойтесь, мадемуазель Даша. Мы же в Париже, а тут с туристами постоянно случаются всякие происшествия. И мы привыкли к этому. Приходится расследовать, находить украденное, обнаруживать тела или их части, искать убийц. Однако пропавших без вести мы находим крайне редко. Понимаете, о чем я? Так что нам этот ваш Се-

режа совершенно ни к чему.

– Мне плевать, что вам «к чему», а что – нет! – воскликнула я. – Вы говорите о живом человеке. Ну и что с того, что я его не люблю? Это не значит, что он мне не дорог. И, если уж на то пошло, я требую, чтобы вы относились к нему соответственно. Для меня он – не просто «какой-то там турист».

Только теперь я заметила, что двое других полицейских перестали стучать по клавишам и уставились на меня. Трену даже и не думал перебивать, напротив, он, кажется, сознательно спровоцировал меня и хотел посмотреть на мою реакцию.

– Простите меня, – бросил он. – Я не имел права.... Но мы тут, знаете ли, такого нагляделись... что поневоле очерствеешь.

– Я понимаю, – процедила я, прикрыв глаза и проведя ладонью по лицу.

– Присядьте сюда. – Трену пододвинул стул поближе к себе и похлопал рукой по сиденью, приглашая меня присесть. Я плюхнулась на стул, как мешок с картошкой, чувствуя безмерную усталость. Я уже знала, что произойдет дальше.

Трену открыл программу, и на экране компьютера активировался видеоплеер. Итак, сейчас я увижу то, о чем говорила мама. То, чего, как я надеялась, не существует.

– Когда вы в последний раз видели вашего Сережу? –

спросил комиссар, но я промолчала, потому как не могла выдать из себя ни слова.

На экране компьютера появилось движущееся изображение. Я удивилась тому, насколько хорошим оказалось качество съемки. Запись была цветной, вполне четкой и демонстрировала не только изображение, но и имела какой-никакой звук. Снимали откуда-то с угла улицы. Место было мне знакомо, я много раз проходила там по дороге в клинику.

– Это Сережа! – воскликнула я и невольно приблизила лицо к экрану. Он как-то странно двигался вдоль стены старого каменного дома, качаясь и пошатываясь. Я узнала его по одежде, но лица видно не было.

– Когда вы в последний раз видели его? – повторил вопрос комиссар.

Я задумалась. На этот вопрос легко ответить, но за ним последуют и другие, отвечать на которые будет куда сложнее. Понятно, почему Сережа так странно двигался – без сомнения, он был пьян, и его выкрики доказывали это. А еще он прижимал к стене какого-то человека и бил его в живот. Я всматривалась в этот клубок тел, мужчины дрались – нелепо, неумело, бессмысленно. Сережа рычал, как зверь, второй мужчина защищался, пытаясь вырваться из его медвежьих объятий.

– В последний раз я видела его за обедом, куда нас пригласил продюсер, желая обсудить с мамой новую роль. Я никогда не вникаю в суть ее дел, просто поехала, чтобы пере-

водить, – бормотала я, продолжая смотреть на драку. Мысли проносились молниеносно, сменяя одна другую.

Значит, Сережа пришел в то утро к клинике, чтобы устроить пьяную драку. Он сидел там и ждал Андре, может быть, ждал всю ночь – мама говорила, что он так и не вернулся обратно в номер. Я тоже не пришла, потому что находилась в это время в отеле, в арабском квартале, так безумно похожем на московский спальный район. Я была с Андре. Потом уехала на такси, а Андре отправился на работу, навстречу судьбе в лице пьяного Сережи. Что же случилось потом?

– Вы узнаете второго человека? – спросил Трену, о существовании которого я почти забыла.

Да, конечно же я узнала его – моего ревнивого любовника, резкого и неконтролируемого – мое персональное цунами, красивый, бушующий водопад. Он, мой Андре, толкнул Сережу в грудь обеими руками, затем окончательно вырвался, вследствие чего баланс сил изменился, и Сережа, раскинув руки, неуклюже пошатнулся. Он что-то неразборчиво крикнул – явно какую-то грубость, а Андре вдруг ударил его – со всей силы – прямо кулаком по лицу. Так вот откуда пластырь на правой руке. Сережа закричал от боли и осел на брусчатку. Андре посмотрел туда, откуда велась видеосъемка, и тут изображение пропало. Видео было коротеньким, оно закончилось, но для меня все только начиналось.

– Это... это... – залепетала я. – Можно мне стакан воды? Я ничего не понимаю. Это же месье Робен, да?

* * *

Итак, я соврала, прости меня, небесный падре. Я еще не успела до конца понять, что именно сделала, какое решение приняла, но оно тут же ударило меня – возвращаясь бумерангом. Лгать грешно.

– Значит, на обеде, да? Вы были там с Сережей, но ушли порознь. Почему? – спросил Трену, протягивая мне воду.

– Мы поругались, – пробормотала я. Комиссар кивнул и принялся что-то записывать, отбивая чечетку пальцами на клавиатуре. Трену печатал быстро и умело, как профессиональная секретарша.

– Сильно поругались?

– Нет, не сказала бы, – пробормотала я, и комиссар, остановившись, повернулся ко мне.

– Значит, не так уж сильно? Но вы немедленно ушли с обеда, бросив там свою мать? Давайте договоримся, что вы будете говорить правду.

– Правду? – побледнела я, ибо меньше всего хотела сейчас не только озвучивать, но даже знать правду. Андре, мой Андре, павший жертвой моих грехов, мой сокрушающий все на своем пути любовник – что ты натворил? Что сделал с

Сережей?

– Да, правду, – кивнул комиссар.

– Извольте. Сережа ударил меня. Да, он меня ударил! Это вас, наверное, не удивляет, ведь мы же – русские. Но я не собиралась этого терпеть, больше не собиралась. Понимаете, о чем я?

– Вы хотите сказать, что он бил вас не в первый раз? – нахмурился Трену.

– Вам нужно, чтобы я пережила свое унижение снова? Вспомнила все в деталях? Да, извольте. Он бил меня. Не то чтобы он был склонен к насилию, но в определенные моменты.... Когда он нервничал или терял контроль над ситуацией...

– А в тот день он что, потерял контроль?

– Вы хотите знать все? – скривилась я и, делая вид, что решаюсь на откровенность, подошла к окну. – Я сказала ему тогда на обеде, что расстаюсь с ним. Я не собиралась объявлять об этом именно там, просто так получилось.

– Получилось?

– Да. Он потащил меня на какую-то лестницу. Начал приставать. Целоваться полез. Я вообще не хотела, чтобы он прилетал в Париж. Как раз взяла паузу, чтобы подумать. Но он решил по-своему. Он всегда поступает так, как хочет. В конце концов, это было совершенно неизбежно. Я должна была уйти от него много месяцев назад, а не позволять ему жить в собственных иллюзиях. Я ненавидела нашу личную

жизнь. Нет, скорее, не так. Она была мне безразлична. Разве это не еще хуже?

– Значит, вы признались ему, что решили от него уйти, и он ударил вас. После этого вы сразу уехали. Так?

Мне показалось, что в словах Трену содержится какой-то дополнительный смысл. У страха глаза велики, возникло ощущение, что он видит меня насквозь. Возможно, он знает, с кем именно я уходила с того обеда, если нас с Андре кто-то видел. Или – эта мысль вдруг обожгла меня – ему об этом сказал сам Андре. Откуда мне знать, кого еще Трену допрашивал в связи с исчезновением Сережи.

Я глубоко вдохнула и внимательно посмотрела на тощего француза. Комиссар ведет себя так, словно не знает, из-за чего произошла драка между моим бывшим парнем и Андре Робеном. Но ведь он должен бы это знать! Кого первого допрашивают, когда в руки полиции попадает подобная видеозапись? Потерпевший исчез, остается только месье Робен. «Здравствуйте, месье Робен. Зачем вы ударили в челюсть русского по имени Сережа ранним утром такого-то числа? Ах, из-за мадемуазель Даша? Вашей любовницы? Спасибо».

С другой стороны, как сказал мне сам Трену, он устал заниматься пропавшими туристами. Что он может знать? Сколько времени он потратил на дело, в котором даже не фигурирует тело убитого? Пьяная драка без видимого пово-

да. Даже моя мама не знала, во что я ввязалась и *с кем именно* я имею дело.

– Не сразу. Я зашла в туалет, чтобы посмотреть, как сильно он мне врезал.

– У вас остался синяк?

– Нет, – покачала головой я, и тут же заметила сомнение в глазах полицейского. – Не синяк, скорее, ссадина. Он разбил мне скулу.

– Можно, я взгляну на ваше лицо поближе? – попросил комиссар Трену. Его голос прозвучал неожиданно жестко. Он мне не верит, еще бы. Ему, наверное, страшно хочется, чтобы я рассказала ему, куда делся Сережа после этой драки. Он наверняка вдоволь наслушался маминой истории про исчезнувший труп, и теперь буквально не знает, что со всем этим делать. Все, что ему нужно – сбросить ненужный груз со своих плеч. Но он добросовестный, этот Трену, и допрашивает меня как положено. Главный вопрос – считает ли он, что Сережа мертв? Моя задача – убедить его в том, что это не так. Даже если я сама теперь считаю иначе.

Сережа может быть мертв. Я впервые по-настоящему приняла это как возможность, как реальность, как кошмар наяву. Я говорила себе – но ведь он точно так же может быть и жив. Мы ничего не знаем.

– Конечно, – кивнула я, поворачиваясь к свету.

Комиссар долго недовольно кряхтел над моей ссадиной. Отек уже давно спал, но след остался – не замажешь и не сотрешь. Да, Сережа меня ударил. Эта капля правды отравляет воду, и я спаиваю комиссару всю ложь до дна.

– Н-да, – хмыкнул он, явно удивившись наличию моей ссадины. – Выражаю вам свое сочувствие. Бить женщину – последнее дело. А вы кому-то об этом рассказывали? Месье Робену, к примеру?

– Почему вы спрашиваете? – осторожно уточнила я.

Трену ответил без раздумий:

– Видите ли, у этой драки должна быть какая-то причина.

– Почему бы вам не спросить об этом самого месье Робена? – предложила я, самым тщательным образом проследив за его реакцией.

Господин комиссар нахмурился и посмотрел на меня так, словно я сказала нечто досадное, неприятное, но давно уже ему известное. Не так, как смотрят на наглого лжеца. Нет, он не допрашивал Андре. Трену позвонил мне первой, не знаю уж, почему. Хотя, если вдуматься, я всего лишь туристка без роду и племени, и вызвать меня на разговор в полицию – плевое дело, никаких последствий. Другое дело – Андре Робен, сын именитой французской аристократки, известный пластический хирург, имеющий в родных братьях знаменитого адвоката. Тут простым звонком не отделаешься. Поэтому-то Трену и кривится, стоит мне только упомянуть о месье Робене. Он спит и видит, как убрать это дело в

стол. Значит, я могу успеть поговорить с Андре раньше, чем эта ходячая каланча. И я не хочу даже думать о том, почему это делаю.

– Спросим, не волнуйтесь. Так где он может быть, как вы думаете? – поинтересовался Трену.

– Кто?

– Сережа! – пожал плечами комиссар, и я с трудом сдержалась, чтобы не выдохнуть с облегчением.

– Я звонила в Москву, причем много раз, но он там не появлялся.

– Думаете, если бы ваш парень пересек границу, я сейчас сидел бы тут с вами?

– И представить себе не могу, где он может быть. Тут, в Париже, у него никого нет.

– Кто-то есть, значит.

– О чем вы? – я прикусила губу. – Сережа приехал сюда спонтанно!

– Вы так думаете, Даша? – Трену говорил со мной как с ребенком. – На выходные?

– Уверена, – ответила я тоном оскорбленной невинности.

– И что? Вот вы, к примеру, говорите, что приехали в Париж, чтобы помогать маме. Приехали, заметьте, по туристической визе, которая исключает возможность работы. А ваша мама сейчас где? На киносъемках! Что в этом логичного, кроме грубого нарушения нашего визового законодательства? Вы же, как ни странно, не с нею, а здесь, в Париже –

и что вы тут делаете, я не знаю. Но в Россию вы не улетели, вот сюрприз. И знаете, почему меня это не удивляет? Потому что ежегодно во Франции на нелегальном положении остается целая куча туристов, и все они, окажись в полиции, расскажут про то, что приехали на выходные – посмотреть на Мону Лизу, чтоб она уже перестала улыбаться всем и каждому. А потом – случайно – кто-то выходит замуж, а кому-то предлагают сниматься в кино. Кто-то просто так болтается в Париже, безо всяких причин. А кто-то находит работу где-нибудь в Нормандии и уезжает, купив электронный билет. И, знаете ли, не ставит полицию в известность. И что же нам теперь всех искать? А через полгода окажется, что ваш Сережа пропалывает виноградники и пляшет голыми ногами в бочке. Скоро как раз сезон.

– Вы думаете, Сережа остался во Франции? – вытаращилась я на следователя.

– Это вполне логичное объяснение того, что случилось. Не согласны?

– Я не думала об этом... с такой точки зрения.

– А вы подумайте. Скажите, ваша мама могла придумать всю эту историю с привидением? Господи, ну почему мне так не везет?! – воскликнул Трену. – Эй, Жак, ты не хочешь забрать у меня дело этого русского? Я тебе еще и приплачу, буду пончиками делиться весь месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.